

ОДАРЕННАЯ ДЕВОЧКА

И ПРОЧИЕ
НЕПРИЯТНОСТИ

МАЛЬВИНА
ГАЙВОРОНСКАЯ

Одаренная девочка

Мальвина Гайворонская

**Одаренная девочка и
прочие неприятности**

«Издательство АСТ»

2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос)6-445.13

Гайворонская М.

Одаренная девочка и прочие неприятности / М. Гайворонская —
«Издательство АСТ», 2024 — (Одаренная девочка)

ISBN 978-5-17-183797-6

Еще вчера у Пандоры Добротворской было все: любящая семья, обычная человеческая школа и пусть и смутные, но более-менее вырисовывающиеся перспективы. Неприятности начались утром – с багажника «роллс-ройса», несущего ее навстречу подозрительному молодому богатырю. В комплекте шли таинственный опекун, избушка на опушке леса, верный енот-дворецкий и активно-агрессивная русалка на мотоцикле, почему-то пытающаяся девочку догнать. И пусть интернат для потомков нечисти и нежити пока лишь готовится к учебному году, среднее общее образование все равно найдет способ испортить всем жизнь. В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос)6-445.13

ISBN 978-5-17-183797-6

© Гайворонская М., 2024
© Издательство АСТ, 2024

Содержание

Пролог	8
Глава 1. Проактивный рекрутинг	12
Глава 2. То – не знаю что, туда – не знаю куда	22
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Мальвина Гайворонская Одаренная девочка и прочие неприятности

© Кутовая Дарья (DAFNA), иллюстрации на форзац, 2026

© sanarino14, внутренние иллюстрации и обложка, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

ЦИКЛ «ОДАРЕННАЯ ДЕВОЧКА»

I. ОДАРЕННАЯ ДЕВОЧКА
И ПРОЧИЕ НЕПРИЯТНОСТИ

II. ОДАРЕННАЯ ДЕВОЧКА
И ТАК СЕБЕ КАНИКУЛЫ

III. ОДАРЕННАЯ ДЕВОЧКА
И ЯРКОЕ БЕЗОБРАЗИЕ

Пролог

– Я правильно понимаю, что сейчас мы вытаскиваем нашего ребенка в жизнь, сами сваливаем в закат, да еще и говорим, что это для ее же блага?

– В педагогике это называется принципом невмешательства.

– То есть да?

– То есть да.

Из протокола семейного совета Добротворских

Все началось утром.

Конечно, пытливый читатель сразу же бросится оспаривать эту фразу. Точно ли утром, а не поздней ночью? Именно этим, а не предыдущим? Где та точка, после которой с чистым сердцем можно сказать: все, началось? Придется делать напыщенный вид и шикать на каждого, кто задает неудобные вопросы. Прямо как в школе.

Будем честны – пытливые читатели правы, и ночка выдалась далеко не из легких. Но именно поэтому выбор и пал на утро: четкой границей оно разделило жизнь на до и после, хоть и казалось поначалу совершенно обычным, а в чем-то даже шаблонным.

К примеру, таковым его делали те самые косые лучи утреннего солнца, столь часто гостящие в прозе начинающих писателей. Дотошно и тщательно, словно моющий тарелки перфекционист, заливали они утренний город. Скользили по паркам, слепили глаза, с недовольством огибали дома с плотными шторами и тонированными стеклами.

Зато небольшой скверик в центре Москвы в них буквально купался, а потому они засвидетельствовали, как крупный мужчина откровенно бандитской наружности уселся на скамью, заразительно потянувшись, достал из небольшого черного чемоданчика книжку сказок Андерсена и начал читать. Через двадцать минут непонимающе оглянулся, потом уставился на книгу в руках. Пролистав, выбросил в урну и легким шагом, прихватив чемоданчик, вошел в небольшой офис в здании старого особняка по соседству.

Ровно через восемь минут и тридцать шесть секунд он выскочил оттуда, преследуемый большим количеством серьезных мужчин в штатском. Быстро выхватил из мусорки книгу и устремился в другой конец парка, вполне бодро перепрыгивая через скамейки под ворчливое курлыканье голубей.

* * *

Однако далеко не все любят солнце, и сквозь тонированные стекла пентхауса его лучи проникнуть не могли. Бонусом такого жилища выступал восхитительный вид на проснувшийся город и то, как его улочки медленно заполняются снующими машинами. С высоты восьмидесятого этажа они казались крошечными муравьями, спешащими по непонятным для людей делам, и парнишка азиатской наружности как замороженный смотрел на эту пляску.

Сон был ему чужд. Дело не только в том, что так говорил папа: и вправду, сколько он себя помнил, спать не хотелось. Но папа говорил, что и чувства чужды. Однако сейчас он определенно ощущал восторг, глядя на город с его стучащим в такт любимой песне ритмом.

* * *

В наушниках на все лады надрывался заморский певец, словно поставил себе целью спеть про всю-всю-всю любовь на земле. Робкая или страстная, первая или очередная – у него были готовы песни про все, только включи. Парень уже две недели крутил один и тот же альбом, и, к собственному стыду, ему все больше нравилось.

Другие пели не так. Наверное, даже завывая японец об убийстве маленьких милых зверушек, ничего бы не изменилось. Голос, как и картинка за окном, гипнотизировал, вводил в транс, заряжал энергией. Чем больше он слушал, тем сильнее крепло чувство, что он обязательно изменит мир. Парень буквально прилип к стеклу, прижавшись носом, лишь бы видеть все, что происходит внизу, а музыка, звучащая в ушах, казалось, стучит в каждой его клетке и задает тон душе. Ну и как тут убедить самого себя, что ты бесчувственный?

* * *

Взрослые на ерунду вроде самоанализа время не тратят, ведь каждая секунда – деньги, а секунда промедления дороже вдвойне. Всего за пару дверей от парнишки работал серьезный банкир. Он рушил империи еще до завтрака и с нетерпением посматривал на часы: кафе открывалось в десять. Сегодня он снова не сможет туда заглянуть, и хотя знал это, все равно следил за временем. Часы работы порождали удивительную иллюзию близости, словно знание того, где можно встретиться, давало какую-то власть над ней. Он мог все на свете. И был бессилен переучить ее говорить о кофе в среднем роде.

* * *

По телику в это время шла обычная утренняя мутотень. В Тьмутаракани все плохо, но они написали Кому Надо, он неодобрительно пошевелил бровями – и все стало хорошо. Америка загнивала, Европа разлагалась, Восток трясло – типичное утро москвича. В деревне надоили шесть литров молока. Мы все умрем. А теперь погода.

Смуглая девушка лениво ковыряла хлопья. Вообще, она с большей охотой съела бы бутерброд, но суверен настоял на разнообразном меню, хоть и не представлял, что это такое. В его понимании перемежать хлопья бутербродами – уже разнообразие. Диетологи пришли бы в ужас, но она не жаловалась и лишь уныло пялилась в телевизор.

Суверен опять врубил свою слащавую музыку, и все, что оставалось теперь, – ждать, пока наслушается. В этом внезапно проснувшемся фанатизме ей мерещилось что-то зловещее. Что, вероятно, совместный завтрак уже не так важен, как пара песен с утра. И это угнетало похлеще дурацких новостей.

* * *

Красавицу на другом конце города беспокоили вещи попроще. Сломанные каблукки у очередных туфель, которые покупались до конца жизни, а оказались на одну ночь. Оторванные пуговицы на блузке. Неподвластные штопке пропоротые джинсы. Слава богу, родительский бюджет позволял еженедельные шопинг-туры по бутикам, но репутация транжиры и кокетки

шла к ним бесплатным приложением. Не будешь же каждой встречной консультантке объяснять, какие именно потусторонние твари пустили на мишуру твои прошлые покупки или в чьей именно пасти скончались те замечательные сапожки? Еще немного повздыхав над тяжелой судьбой гардероба, она наконец-то легла спать. Маман умилилась яркой ночной жизни дочери, а та, в свою очередь, хоть и любила подругу, но все-таки надеялась на чуть менее яркий, познавательный и смертельно опасный досуг.

Однако не только роскошные блондинки волновались тем утром за свой гардероб. На опушке забытого богами леса стояла неприметная избушка, в окно которой наглым котенком просилось солнце. В комнате хозяина словно взорвалась швейная фабрика. Пол, кровать, полки – все поверхности были буквально усыпаны его «неудачами» – неподошедшими предметами одежды. Жилеты и шейные платки, брюки и ремни ровным слоем покрывали пол, но главенствовали в композиции рубашки всех цветов и фасонов. Одна из них, очередная жертва высоких стандартов, сейчас придиричиво изучалась в зеркале.

Фисташковая. Раньше он бы не раздумывая выбрал именно ее, ведь она так шла к его карамельным глазам и осенним волосам. Но сегодня он не был ни в чем уверен, а в голове стучало знаменитое «У вас не будет второго шанса произвести первое впечатление». Насколько такой цвет уместен? Не вышел ли из моды? Какой эффект произведет гармоничный образ? Быть может, подростки больше любят бунтарство и яркие цвета?

Белая? Слишком банально. Ни рыба ни мясо. Ничего примечательного, а это худшее, когда хочешь запомниться.

Кремовая? Она его немного молодила. Не создаст ли это иллюзию близости их возраста? Не помешает ли расставить акцент «взрослый-ребенок»?

Черная? Право, нет. Он не герой готического романа, и уж тем более не наемный убийца.

Варианты с узорами также были отвергнуты: все они рушили с таким трудом подобранную композицию костюма, отвлекая от изначальной идеи подчеркнуть солидную, но мягкую аристократичность.

Хорошо, фисташковая – правильный выбор. Но к такой рубашке категорически не подходит мятный жилет. Штурм гардероба продолжился, а вредливые солнечные лучи понеслись дальше.

* * *

Правда, некоторые места даже они старательно огибали стороной. Мы бы тоже обошли их своим вниманием, если бы не правила хорошего тона. Давайте не будем особо приглядываться, но запомним, что место это не лучшее. Это Лес.

Бывают нормальные леса. В них нашли себе место разной степени приятности растения и живность, и в целом ничего зловещего они не несут. Но этот Лес не из таких. В нем нет ветра и не светит солнце. Тьма беззвездной ночи прячется среди ветвей неестественно изломанных деревьев. Ночь с вниманием хищника следит за задорным, аппетитным солнечным лучиком, так маняще пляшущим за ее пределами. Она не может податься вперед. Пока не может. Но так было не всегда, и она ждет.

* * *

Ждал и стоявший на обочине федеральной трассы мотоциклист. Ждал и потихоньку закипал. Все происходящее слишком смахивало на дешевый развод сослуживцев, и он чувствовал себя последним идиотом, что повелся. Еще бóльшим идиотом он чувствовал себя потому, что уже который час не уезжал и смиренно надеялся на чудо.

Не первый год он гонялся за тайной организацией, в существование которой никто из коллег не верил. Это больше походило на хобби, поскольку в рабочее время он практически всегда сидел в штабе или разбирался в очередной пьяной драке оборотней. Три года такого «хобби» привели к нескольким нагоньям, выговору с занесением в личное дело и всего одному задержанному. Который, к слову, оказался совершенно бесполезным, поскольку еще при задержании перестал шевелиться и так и не шелохнулся за все полтора года. Конечно же, эта одержимость в совокупности с чередой неудач породили лишь кучу насмешек от коллег. Все сокурсники уже подросли в званиях, и только он куковал все там же, в младших богатырях, все свободное время носясь по городу и проверяя каждый слух.

И тут внезапно кто-то пишет красной помадой на его зеркале дату, время, пару координат и бережно обводит сердечком старую газетную заметку о пропавшем отце. И никаких следов взлома. Помаду он исследовал вдоль и поперек – ну да, приятно, что для него не пожалели шанелевскую классику, да толку? Пожалуй, лишь цена помады и навела на мысль, что это не шутка. Цена, ну и полная профнепригодность коллег: что-что, а аккуратно проникнуть к нему в дом они бы точно не сумели. На безопасности у параноидального Дмитрия был пунктик.

Но семь утра сменилось на восемь, восемь – на девять, машины размеренно проезжали мимо, парень кормил комаров, и ничего не происходило. Он принял волевое решение подождать дополнительные полчаса и уезжать. Потом принял такое же решение еще два раза.

Из меланхолии его вывел адский визг тормозов эффектно задрifteвавшего на соседней дороге «роллс-ройса». Машина встала поперек, перекрыв движение. Распахнулся багажник. Из него, прихватив небольшой рюкзак, выбралась девочка с двумя огромными, толстенными косами и припустила к мотоциклу, с трудом перелезая через двойное ограждение между трассами. «Роллс-ройс» уезжать не спешил. Издалека раздался мощный рев мотора, и на полосу буквально вылетел еще один мотоциклист. Женщина. Вся в черном. Девочка побежала быстрее, но все еще слишком медленно. Ноги, что ли, затекли в багажнике? Решив, что уж это точно его клиент, Дмитрий поспешно застегнул шлем и сдал назад. Даже пытаться не стал натянуть на такую прическу защиту, просто быстро усадил девочку, парой жестов показал, как держаться, и втопил газ. «Роллс-ройс» и черная мотоциклистка остались далеко позади. Дмитрий не имел ни малейшего понятия, кого и от чего он увозит, но знал самое важное: во-первых, куда. А во-вторых, что он получит взамен.

* * *

Знать ответы на эти вопросы хотел бы и слесарь из небольшого городка, вот только отвечать никто не спешил. Худо-бедно разменявший пятый десяток мужчина верил, что у него были все шансы стать достойным членом общества, но в какой-то момент он явно свернул не туда. Поворотов, конечно, было много, что уж спорить, но ретроспектива жизни под виски всегда вызывала стойкое ощущение, что вся трасса в целом вела под откос.

В детстве было гораздо проще. К примеру, открыл утром глаза, в окне голубое небо – и день по умолчанию становился хорошим. Взрослым гораздо сложнее. Открыл утром глаза – вообще ничего не видно. Очнись ты там же, где засыпал – в гараже, под очередным краденым «меринком», – вопросов бы не было. Но ты явно сидишь, да еще и с мешком на голове. Руки-ноги пристегнуты к стулу, попытку незаметно проверить, крепко ли, проваливаешь; мешок тут же снимают, и бодрый мужской голос радостно интересуется:

– Итак, Игорь Октябрьевич, почему вы решили работать именно у нас?

Жмурясь от яркого света, пытаешься разглядеть пухлого усача с типичной располагающей улыбкой эйчара и смутно понимаешь, что тебя явно не через «Авито» нашли. Добро пожаловать на худшее собеседование в жизни.

Глава 1. Проактивный рекрутинг

– ...Опыт ухода от слежки спецслужб более десяти лет, уверенное использование холодного и огнестрельного оружия в рамках компетенции, знание мертвых языков на уровне допроса, устойчивость к основным магическим ядам как плюс, наличие прав на убийство дракона... Это точно учитель?

– Поверьте моему стажу, эти навыки чрезвычайно полезны для работы в одиннадцатых классах.

– А почему на фотографии штамп «В розыске»?

Из обсуждения кандидатуры соискателя на еженедельной планерке в интернате АСИМ¹

Лысеющий толстяк с роскошными усами продолжал крайне добродушно улыбаться обмотанному цепями Игорю, но в сочетании с ледяным взглядом это несколько обескураживало. Лицо мужчины казалось смутно знакомым, однако сфокусироваться не получалось: усач сидел за столом прямо напротив, и лампа, стоявшая от него по правую руку, нещадно била в глаза.

Все с тем же радостным нетерпением он переспросил:

– Ну, Игорь Октябрьевич, чего же мы ждем?

– Лично я жду, когда бредить перестану.

Похищенный слесарь сощурился и как бы невзначай перевел взгляд на скрещенные на столе руки собеседника: ногти короткие, округлой формы, черные. Плохой знак.

Толстяк притворно вздохнул:

– Не прибедняйтесь. У столь многообещающего молодого человека светлое будущее, и мы надеемся, что вы свяжете его с нашей компанией.

Молодой человек сорока трех годиков не сразу понял, что речь о нем.

– Вы меня простите, конечно, но вы вообще кто? – Игорь и сам поражался, каким вежливым может стать, если приковать его наручниками к стулу.

– Ох, что же я, в самом-то деле? Тимофей Иванович Котов-Шмулинсон, завуч по учебно-воспитательной работе в интернате АСИМ.

«Хана мне», – подытожил Игорь. Худшие догадки подтвердились. С ним общался самый настоящий людоед, пусть и в многовековой завязке, а подобное времяпрепровождение лично у Игоря никогда не ассоциировалось со светлым будущим.

Тимофей Иванович пошевелил усами и продолжил, не снижая градуса радости и лучезарности, словно общаясь со смертельно больным:

– Может быть, чаю? Или вы предпочитаете кофе?

– В такой ситуации я предпочел бы виски, – с мрачной уверенностью отчеканил Игорь.

– Ох, ну что же вы! У нас не пьют в принципе, – всплеснул руками завуч.

¹ ГАОУ ВПО СУНЦ АСИМ – Государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования специализированный учебно-научный центр Abeunt studia in mores.

– Частично это объясняет, почему для собеседования приходится похищать людей...

Тем временем мозг пленника лихорадочно пытался осознать происходящее. В детстве вместе с бесценными рекомендациями носить зимой шапку, доедать суп и не дразнить сестру он получил от родителей еще одну – никогда не связываться с людоедами. Ежедневно варясь в мире нечисти, они четко понимали, какую мудрость передать сыночку. Но откуда в России взяться нечисти, спросите вы? Что ж, попробуем разобраться.

Любые попытки подробно описать мироустройство рано или поздно приводят к тому, что взгляд слушателя стекленеет, а кивает он не столько твоим словам, сколько некой песенке в своей голове. Поэтому давайте попробуем взглянуть на ситуацию под менее научным углом: забудьте «пузырьки шампанского», теорию струн и мультиверсум. Представьте ванну.

Ладно, чугунная ванна – это не очень-то впечатляющее зрелище, но добавим немного горячей воды, пену, часик свободного времени – и вуаля, картинка становится гораздо приятней. И вот теперь, когда мы расслабились, физика нанесет свой коварный удар.

Возьмем пузырек пены побольше. Вода, на поверхности которой он расположен, – это магия мироздания. Спокойная, теплая, глубокая. Пузырь – наш мир. Он определенно связан с магией, но друг в друга они не проникают. Мир-пузырик держится на хрупком балансе своих стенок, то есть физических законов, порожденных в том числе и магией-водой. А мы, если захотим, сможем просунуть в него палец со стороны воды: граница двух сред вполне проходит.

Сопоставив воду с магическим миром, пузырь – с нашей реальностью, а магических существ – с пальцем, мы получим примерное представление о том, что откуда взялось и почему так получается.

А теперь попробуйте засунуть два пальца. А теперь три. А теперь... а нет, пузырь уже лопнул. Переизбыток магических существ приведет в нашем мире примерно к тому же – давление на нежную реальность усилится, и в какой-то момент может случиться «бах»: чем больше магии в одном месте, тем выше шанс, что нежные физические законы нарушатся и наш мир очаровательно размажет по миру магическому. Не сказать чтобы хоть кого-то такой исход радовал: все-таки люди сделали свой мир чрезвычайно приятным местом, и никто не готов променять вайфай на возможность быть съеденным драконом. Особенно на это не готовы те, кто жил когда-то в пещерах неподалеку от драконьих гнезд, а теперь умеет качать сериалы с торрентов.

Исключительно плотоядные флора и фауна мира магического, обычно называемого просто Лесом, всегда были прекрасным стимулом для эмиграции, и большую часть человеческой истории нечисть прикладывала максимум усилий, чтобы попасть в человеческий мир и обратно не возвращаться. Хотя отсутствие стабильного магического фона и приводило к постепенному ослаблению потомства, но так ведь то у потомства, рожденного по эту сторону. Прибывшие же непосредственно из Леса отличались непомерной силой и невоодушевляющим долгожительством. К примеру, древнейшие оборотни, представители Старшей крови, в большинстве своем разменяли по паре тысяч лет и массово практиковали в своей богатой на приключения молодости не только социально одобряемые модели поведения. Вот и похититель был из таких. Кот-баюн. Пренеприятнейший тип.

Из размышлений Игоря вывели все та же наигранно радушная улыбка и вежливое постукивание ручкой по столу.

– Вы не могли бы ответить на несколько вопросов? Необходимо кое-что уточнить в резюме, прежде чем мы подпишем контракт.

Бывший богатырь откашлялся и решил зайти издали:

– Послушайте, я себе не враг и готов сотрудничать. Только объясните, что здесь происходит и на кой черт я вам понадобился.

Толстяк притворно заохал:

– Игорь Октябрьевич, полно вам! Мы уже давно ищем ответственного специалиста с богатым практическим опытом, нетривиальным взглядом на предмет и, чего уж тут скрывать, педагогическим зудом.

– Прекрасно, но у меня ни одного подходящего телефончика. Не пробовали по старинке, объявление разместить?

– Но вы просто созданы для БЖД!

– Белорусские железные дороги?

– Безопасность жизнедеятельности.

Богатырь в бегах мысленно промотал всю жизнь назад. Потом еще несколько раз. Нет, безопасностью там и не пахло.

– Это какая-то ошибка. Я могу о чем-то разузнать, куда-нибудь проникнуть, ну или что-то выкрасть, наконец. Но в чем я совершенно и точно уверен – я не могу учить детей.

– Если это единственное, что вас смущает...

– Ни капли не единственное! Я, вообще-то, в цепях.

– Да-да, почувствуйте себя как дома. Так вот, волноваться не надо: ваша задача – передать деткам свои навыки. Полагаю, даже неудачные попытки все равно здорово обогатят их внутренний мир.

Игорь обомлел. Обогащать внутренний мир малолетних вампиров и оборотней навыками слежки, взлома и ближнего боя он точно не планировал никогда в жизни. Да и свой, впрочем, тоже не стал бы, если бы не родители...

Не подумайте ничего дурного, родители Игоря были добропорядочными, скучными офисными богатырями, занятыми в основном обработкой миграционных документов. Собственно, их семья хоть и вела отсчет еще со времен инквизиции и считалась одной из старейших среди богатырских родов, но уже многие ее поколения не участвовали в оперативной работе и славились разве что своей педантичностью. Одно только упоминание фамилии Барановых убедило многих не подавать документы конкретно сегодня, а в особо ударные недели – вообще никогда не подавать.

Вполне понятно почему, принимая решение об участии в оперативной работе, молодой Игорь в первую очередь руководствовался призрачной надеждой хотя бы во время службы не находиться с родными в одном помещении. Рассуждал он здраво: да, от зелий по «бабулиным рецептам», щедро вливаемых в будущих богатырей-оперативников ради обретения суперспособностей, нередко вылезала побочка на морду лица, но ему, и так напоминавшему лысеющую помесь Чужого с птеродактилем, терять было нечего. Как выяснилось, кроме гордости: хоть никаких метаморфоз во внешности в итоге и не случилось, дорогие коллеги сочли, что именно ему, бедному, больше всех от зелий и досталось.

Поначалу выбор карьеры казался верным: ретивого парня, всегда первым вызывающегося на любые выезды, лишь бы подальше от штаба, заметили. Благодаря природной смекалке в совокупности с полной неспособностью обрасти личной жизнью он работал почти круглосуточными сменами и за три года дослужился до майора – из алешковичей перешел в добрынички. А потом все накрылось медным тазом в форме женского полового органа: ситуация, которая вначале вообще никак не касалась самого Игоря, развилась по худшему из сценариев – и вот он почти двадцать лет в бегах и от богатырей, и от нечисти, и от родной милиции, честно пригревшей в своих рядах и тех и других. И когда, казалось бы, он залег на дно, его с этого дна достают, отряхивают, обматывают цепями и радостно предлагают работу на виду у всего мира. Лучше б сразу сожрали, честное слово.

Но озвучивать такой вариант развития событий Игорь не стал, а попытался воззвать к разуму:

– Seriously, на кой хрен это вашим ученикам? Решили провести ребрендинг, и теперь у вас лагерь «Веселый шахид»?

– Семья распалась, – похоронным голосом ответил Тимофей Иванович.

– Мои соболезнования, но хорошего адвоката посоветовать не смогу.

– Игорь Октябрьевич, не ерничайте. Вспомните девяностые. Благодаря Семье стало поспокойнее, но ее больше нет, а кому, как не вам, знать, сколь быстро ситуация склонна ухудшаться при отсутствии сдерживающих механизмов. Первые ласточки уже появились. – На этих словах завуч многозначительно пошевелил бровями.

– Я вас умоляю. По-вашему, что, стадо малолетних вампиренышей и оборотней себя от людей защитить не сможет?

Тимофей Иванович отмахнулся:

– Речь не о людях. Госпожа директор видит угрозу шире. И сочла, что сейчас самое время внести несколько изменений в учебный процесс. Одно из них – вы.

Складывалось стойкое впечатление, что Игорь бьется лбом о стену.

– Идите Лесом! Какой из меня преподаватель?

– Утвержденный лично госпожой директором на основании вашего резюме. Которое, замечу, было довольно непросто составить, что делает вам честь в вопросах защиты информации. Но вернемся к делам. По шкале от одного до десяти оцените вашу готовность на пять лет отказаться от курения, спиртных напитков и матерной брани.

Пленник начал закипать:

– Пять лет без сигарет и мата в компании училок? Всю жизнь мечтал.

– Добро пожаловать в интернат АСИМ. Мечты сбываются! – Людоед вновь широко заулыбался, словно включил внутреннюю лампочку, и скрупулезно поставил галочку напротив отметки «десять».

– Может, наконец развяжете меня?

– Ну-ну, сбываются, но не так же быстро... Итак, каким вы себя видите в нашей компании через пять лет?

– Трезвым и злым.

Тимофей Иванович записал и этот ответ. Бывший богатырь поморщился:

– Послушайте. Мне кажется, вы несколько недопонимаете масштаб проблемы. Даже если я соглашусь, как вы это представляете? За мной бегают все известные спецслужбы и даже парочка таких, о которых я раньше не слышал. Стоит согласиться, как в тот же день дверь откроют ногой и меня под белы ручки выведут в менее образовательное казенное учреждение.

Старый оборотень отложил ручку и принял чрезвычайно напыщенный вид. С парадоксальным смирением Игорь понял, что сейчас последует внеочередная лекция.

– Мы по-прежнему интернат АСИМ. Вероятно, вы не были в курсе – признаться, порой даже мне сложно отследить все касающиеся нас законодательные акты, вышедшие за последние пару тысяч лет, – но директор имеет право принять на работу даже преступника. И на время исполнения обязательств перед интернатом подобный сотрудник находится вне юрисдикции любых организаций. А после... Полагаю, это будет демонстрацией ваших восхитительных навыков исчезновения среди бела дня, о которых я наслышан. Ничего сложного.

– А с чего вы вообще взяли, что остальному миру не плевать на эти ваши акты глубокой древности?

Котов-Шмулинсон игриво сощурился:

– Молодой человек, а как вы думаете, почему здесь работаю я?

Игорь открыл рот. Игорь вежливо закрыл рот.

Завуч продолжал:

– Конечно, некоторые проблемы бывают. Все-таки желающих вздернуть заслуженного педагога на ближайшем дубу обнаружилось до огорчения много. Но пара слов директора – и

окружающие становятся просто восхитительно понимающими людьми. Ну да, съел кого-то из прапрапрадедов, так что же? Не лишать же детей из-за этого уроков истории.

– Железобетонная логика.

– Естественно. Но, к сожалению, мы выбиваемся из графика. Не возражаете, если я продолжу?

– А если возражаю?

– В таком случае вынужден буду убедительно склонить вас к сотрудничеству. – Казалось бы, при этих словах Тимофей Иванович просто размял руки, пошевелив в воздухе пальцами, но Игорь успел уловить блеск мелькнувших стальных когтей.

– Я готов продолжить.

– Прекрасно. Итак, по какой причине вы ушли с предыдущего места работы?

Темный зал, очерченный на песке круг. Крики, кровь. Огромный смуглый мужчина падает на пол и больше не поднимается. Радостный лай. Дикий рев. Игорю было что терять, и он не вмешался. Всем было что терять, и не вмешался никто. Один против пятерых. Трех одолел. Но не последних двух. Если бы помог хоть кто-то...

Крик сестры. К ней идет поджарый блондин в черной косухе. Игорю по-прежнему есть что терять, но терять сестру страшнее. Выступает вперед. Все равно все испортил, карьерист хренов. Не уберег. Спасай, что осталось.

Моргнув, бывший богатырь вернулся в реальность.

– Из-за трусости.

– В документах сказано, что вы выбили клык вожаку волкодаков, – с подозрительно участливой улыбкой отметил Котов-Шмулинсон.

– А вот это уже был трезвый расчет.

– Интересно, интересно. – Пробежав глазами по бумагам, он продолжил: – Ваш главный недостаток?

– Нефотогеничен.

– А главное достоинство?

– Дважды смог перепить медведя.

– Как вы узнали о вакансии?

– Внезапно и против своей воли.

– Почему решили оставить ту работу, которая есть у вас сейчас?

– Я и не собирался.

– Чем вы любите заниматься в нерабочее время?

– Спасать свою задницу.

– Почему считаете, что подходите на эту должность?

– Я так вовсе не считаю!

Толстяк все тщательно записал, закрыл папку и радостно откинулся в кресле.

– Вот видите, как быстро мы справились благодаря вашей покладистости. Так-так, даже чуть раньше уложились. Полагаю, вы бы хотели перекусить?

– Очень. – Игорь не раздумывал ни секунды. Для еды ему нужны будут руки. Хотя бы одна рука. А это шанс на спасение.

Завуч встал, аккуратно задвинул за собой стул и ушел в соседнюю комнату. Что-то зашуршало. Вскипел чайник. Игорь терпеливо ждал, внимательно разглядывая комнату и оценивая пути к отступлению. Решеток на окнах нет, но черт его поймет, какой этаж, прыгать не разобравшись нельзя. Деревьев не видно. Дверь одна, открывается внутрь. Замок есть, но скорее для вида, такой не удержит. Оружие? Лампа. Стул. Телефон-трубка. Найти бы базу, тогда проводом можно удушить. О, да на столе целое богатство – набор перьевых ручек. Жаль, что нет ножниц. Самая уязвимая часть кота – усы. Придется выкручиваться тем, что есть. Кажется,

из кармана не вытащили зажигалку. Шансов мало, но рискнуть можно. Главное – освободить хотя бы одну руку.

Когда Тимофей Иванович вернулся в комнату, у Игоря уже созрел план. Стараясь не выдать себя, он продолжал понуро сидеть на стуле, куда завуч с тарелкой и ложкой не подошел и, зачерпнув овсянку, не поднес ее ко рту узника.

Только тут Игорь понял. Почему-то вариант, что один взрослый мужик будет кормить другого с ложечки, в голову вообще не пришел, хотя в этой цитадели абсурда ждать иного было воистину наивно. Бывший богатырь смиренно проглотил первую порцию. Усатый зачерпнул еще.

– Ложечку за маму. Вот так, хорошо. Ложечку за папу. Чудесно. За сестренку ложечку...

– Сколько мне, по-твоему, лет?

Оценивая оглядев Игоря, Котов-Шмулинсон продолжил как ни в чем не бывало:

– Ложечку за пенсионную реформу. Ложечку за предстательную железу...

В кабинете зазвонил телефон. Пленник и его заботливая нянечка переглянулись.

– Вы не против, если я отвечу?

– Вперед, ирод.

Сняв трубку, упитанный мужчина вытянулся по стойке смирно.

– СУНЦ АСИМ, завуч Котов-Шмулинсон слу... О, Альма Диановна! А мы как раз о вас вспоминали. Скоро ли вы заберете у меня этот очаровательный сгусток уныния? Чудесно, чудесно. Да, как раз кормлю. Очень ждем. – И, положив трубку, промурчал: – Через десять минут госпожа директор нас примет. Не забудьте манеры и то, как чудесно мы с вами сдружились за этот день.

Методично запихнув оставшуюся овсянку в Игоря – слава богу, уже без прибауток, – завуч без зазрения совести вылизал тарелку, утер усы и вдруг легко забросил пленника себе на плечи, словно тот весил не больше листа картона. Мурлыкая под нос что-то про сердце красавицы, запер кабинет и понес Игоря по большому светлому коридору. Красный ковер практически полностью глушил звук шагов, и слышны были только сопение Игоря, лягз цепей и порядком надоевшая песенка. У совкового вида двери с надписью «Директор» толстяк остановился, вытянулся, насколько позволял пленник на плечах, и постучал. Низкий женский голос велел заходить, и через пару мгновений мир Игоря перевернулся, потом еще раз – и он оказался на стуле перед директрисой.

То была женщина высокая, мощная и седая. Фигура ее напоминала раздобревший прямоугольник, пучок кудрявых волос на макушке и тонкие очки на цепочке подавляли своей официальностью. Красный лак на ногтях, суровый прищур выцветших глаз, темно-фиолетовая юбка и огромный серый свитер грубой вязки накрепко впечатывались в головы учеников как предвестники проблем. Альму Диановну побаивались все и всегда. Поговаривали, что даже Тимофей Иванович не знал точно, сколько ей лет, но, по слухам, именно она приложила лапу к Ромулу и Рему. Альма Диановна тоже постоянно улыбалась, но эта улыбка навевала исключительно мысли об оскале. Госпожа директор умела вызывать в людях очень разные эмоции, но спокойствие среди них точно не значилось.

Она несколько раз моргнула, глядя на сияющего Тимофея Ивановича и покрасневшего Игоря. Потом вздохнула и как-то чрезмерно буднично поинтересовалась:

– И давно у нас теплый прием сопровождается цепями и наручниками?

– Так он бы меня в противном случае и слушать не стал, стикал бы при первой возможности. Что мне, носиться за ним?

– Вопрос, конечно, резонный. Будь добр, освободи юношу и оставь нас наедине.

Котов-Шмулинсон отдал начальнице резюме с пометками, засуетился, снимая наручники и разматывая цепи, после чего, тихонько позвякивая, удалился. В кабинете они остались вдвоем.

– Полагаю, мой зам ввел вас в курс дела?

– Скорее, в ступор. Почему я?

Директриса сняла очки и устало потерла переносицу.

– Выражаясь современными идиомами, вы видели в жизни некоторое дерьмо. Преподаватель, верящий в то, что добро всегда побеждает, угробит моих деток. Нужен тот, кто не просто будет говорить, что мы все умрем, – кто будет в это неистово верить и стараться всеми правдами и неправдами протянуть еще день-другой. Эти дети никогда не сталкивались с опасностью. Это может их погубить.

– А не похрен ли вам? Отучили – и все, вы за них ответственности не несете.

– Ошибаетесь. Именно потому, что я берусь их учить, ответственность за них несу тоже я. Повисло тягостное молчание.

– Всего пять лет, да?

– Целых пять лет, мой дорогой. Давайте не начинать со лжи друг другу.

– Я ж никогда никого ничему не учил, как я вообще это буду делать?

– Если вы уже задаетесь этим вопросом, значит, вполне готовы найти на него ответ.

– Издеваетесь?

– Отнюдь. Когда начинала я, педагогики еще не существовало. Было только желание орать на человека, пока он не поумнеет.

Сидя перед старой волчицей, Игорь прекрасно понимал, что момент для побега упущен. Альма Диановна отлично умела идти по следу и, без сомнения, настигла бы его в любом случае. Против баюна шансы были. По крайней мере, в сказках его побеждали, насколько Игорь помнил. Но директрису...

Та словно читала его мысли:

– Полагаю, вы готовы обсудить организационные моменты?

– Я осознал, насколько глубоко вляпался. Хотелось бы теперь понять во что.

– Все условия будут прописаны в рабочем контракте. Ваш – на пять лет без права увольнения по собственному желанию. Предвидя вопрос – да, я разорвать контракт могу, и нет, пытаться повлиять на это через жалобы детей не стоит. Вам полагаются полный пансион и проживание на территории интерната в собственном коттедже. Покидать учреждение можно лишь в двух случаях: при посещении ближайшего тренировочного полигона – это торговый центр, не надо делать такие глаза – и при методической работе на местности. Для последней необходима служебная записка на мое имя. Еще в стенах нашего заведения не должно быть никакого мата по понятным вам причинам.

– Я думал, вы отстроили свои хоромы на магически нейтральной территории, – несколько удивился бывший богатырь.

– И вы абсолютно правы. Но поскольку в одном месте сконцентрировано слишком много довольно специфических существ, проверять крепость ткани мироздания осколками от первичных зачатий перехода я бы не стала. Мало ли что может нас услышать.

– Радует, что у запрета иное обоснование, чем «У деток ушки завянут».

Под взглядом директора он осекся. Выдержав паузу, Альма Диановна продолжила:

– По этой же причине запрещены спиртные напитки – под их действием вы становитесь слишком убедительным слесарем. Договор вступает в силу с двадцать восьмого мая, за лето вам надо составить программу обучения. Перевожу на русский: хотя бы примерно понять, что собираетесь делать. Зарплату мы установим в размере... – Директор открыла верхний ящик стола, достала явно еще Брежнева выдавший калькулятор с большими кнопками и начала считать. Потом развернула его к Игорю. Тот несколько растерялся от количества нулей.

– Вы точно не ошиблись? – решил на всякий случай уточнить будущий педагог, справедливо полагая, что расценки могли быть и в зимбабвийских долларах.

Директор развернула калькулятор к себе.

– Все верно. Стандартная ставка за месяц.

На этой фразе Игорь очень аккуратно окаменел. Меркантильным он никогда не был, но тридцать лямов – это тридцать лямов. Приятно встретить человека, знающего цену трезвости.

Альма Диановна продолжала:

– И самое главное. По всем документам наш интернат находится на военном положении. Всегда есть древние силы, которые хотят отомстить лично мне. Всегда есть темные жрецы, мечтающие прирезать кого-то из деток. Всегда есть проблемы. Педагогический коллектив в полном составе несет ответственность за жизнь и здоровье учащихся. И осуществляет месть. Старую добрую кровную месть, если по какой-то причине защитить учащегося не получилось. Как преподаватель вы будете встроены в охранную систему школы, что в том числе означает периодические дежурства по периметру с коллегами. С расписанием сможете ознакомиться в учительской.

– Дежурства по периметру? Это точно не «Веселый шахид»?

– Сударь, как вы сможете лично убедиться, и мы, и вверенные нам дети вызываем у окружающего мира повышенный интерес. Большинство из них – потомки выживших учеников моей же школы, и все надеются на продолжение этой славной традиции.

– А что насчет невыживших?

Директор и ухом не повела, доставая из шкафа огромную стопку бумаг.

– За невыживших я платила сторицей. Итак, ваша копия договора, устав интерната, правила внутреннего трудового распорядка, положение об управляющем совете, правила внутреннего распорядка обучающихся, карта территории, положение о порядке приема, перевода и отчисления, положение о режиме занятий обучающихся, положение о языке обучения, положение о внутриобъектном и пропускном режимах... – Заметив, что Игорь ухмыляется, директор остановилась и выжидательно на него посмотрела. Он ткнул пальцем в устав:

– Вам настолько нужен был людоед, что статью про неподсудность преподавателей ввели аж первым пунктом?

– Молодой человек, я женщина прагматичная. Упомянутая статья фигурирует в уставе школы за номером один только и исключительно потому, что в противном случае преподавать не смогла бы я сама.

Свежеиспеченный участник педагогического коллектива насторожился:

– А кроме вас с завучем кто-то еще под действие этого пункта подпадает?

– Да.

Ничего хорошего в этом «да» он для себя не услышал.

– Перефразирую. А хоть кто-то не подпадает?

– Библиотекарь, – и глазом не моргнув тут же ответила директор. Игорь почувствовал, как волосы на руках встали дыбом.

– Стоп-стоп-стоп. Чуваки, по которым тюрюга плачет, учат деток манерам? Я правильно понял концепцию?

– Скорее, наш богатый опыт заслуживает, чтобы его передавали далее вне зависимости от преходящих веяний гуманизма.

Но бывший богатырь все еще не понимал.

– Если тут все такие крутые, почему учить детей должен я?

– Не сочтите за грубость, но как раз потому, что мы очень крутые, если пользоваться вашей терминологией. Сильные. Древние. Большинству обучающихся таковыми никогда не стать, а значит, наши методы не сработают. Нужен иной подход. Вы слабее любого ученика, но способны выйти победителем из боя. Не благодаря грубому превосходству, но при помощи точного расчета, предусмотрительности и толики удачи. Если уж человек может, смогут и они.

– То есть вы банально взяли лучшего из худших?

– Вернее, лучшего из лучших, просто с конца списка. Будьте добры, поставьте подпись кровью вот здесь и вот здесь...

На нож Игорь уже и не надеялся, но, когда его аккуратно взяли за мизинец и нарезали маленьким стеклышком, словно брали кровь из пальца, стало еще обиднее. Никаких шансов даже на попытку побега для сохранения собственного достоинства.

В нижней части листа с мелким шрифтом и большой печатью ГАОУ ВПО СУНЦ АСИМ с эмблемой волка, пожирающего солнце, теперь стоял его кровавый отпечаток. Почти что договор с дьяволом.

Директор протянула бумажную салфетку.

– На всякий случай напоминаю, что наш интернат был специально создан для того, чтобы нечисть могла свободно интегрироваться в человеческое общество, не вызывая подозрений. Главные правила: все учащиеся и преподаватели должны постоянно пребывать в человеческом обличье. Раскрывать кому бы то ни было свою истинную сущность во время учебного процесса строжайше запрещено. С этого года правила несколько меняются, но только на ваших занятиях. Задача: не важно какими средствами, но заставить детей познать свои силы. При этом не все... – Тут в дверь постучали. Хотя скорее постучали дверью, поскольку незваная гостья распахнула ее настежь и, вперив тяжелый взгляд в мужчину, поинтересовалась:

– Альма Диановна, списки на этот год все-таки утверждены? Это же катастрофа! Вы кого понабрали? Прошлый был непростой, так давайте в этом выкрутим проблемы на максимум?

Директор спокойно представила:

– Ипполита Найтмаровна, знакомьтесь – наш новый коллега Игорь Октябрьевич. Игорь, знакомьтесь – Ипполита Найтмаровна. Так вот, дорогая моя, у нас каждый год непростой. Игорь Октябрьевич в меру своих сил поможет его пережить.

Бывший богатырь попытался хотя бы кивнуть. Нарисовавшаяся в дверях дамочка словно явилась из самых заветных его снов, причем тех, о которых не принято упоминать в приличном обществе. Высокие военные сапоги. Черные брюки в тонкую белую полоску идеально подчеркивали роскошные ноги. Пепельные волосы сплетены в огромную косу через плечо. Полногрудая и крутобокая, в полурасстегнутой рубашке с подтяжками, с мундштуком, в очках с красной роговой оправой – она была чрезмерно восхитительна. «И наверняка тоже кого-то прикончила», – с мрачной обреченностью вернул он себя к реальности. К сожалению, внезапный восторг ничем не лучше алкоголя, и десять лет в компании автомобильных двигателей дали о себе знать. Восхищенный Игорь выматерился. Точнее, попытался.

– Эпическая сила канделябров! Просроченный йогурт! – Он с некоторым удивлением осознал рассинхрон своих мыслей и слов. В недоумении повернулся к директору.

– Как вы понимаете, мы многим рискуем. Подписав контракт, вы стали частью охранной системы. Охранной от мата в том числе.

– Вы используете магию? Сдурели, что ли? – У Игоря на глазах рушились последние оплоты детских представлений о том, что такое хорошо и что такое плохо.

– По-вашему, есть некая грань, после которой родители скажут: «Все, это уже чрезмерная защита для моего ребенка. Выживаемость восемьдесят процентов вполне подойдет»? То-то и оно. Мы лучшие. У нас карт-бланш.

Игорь со стоном схватился за редеющие волосы, директор принялась за рассказ о функционале охранных систем, а красotka с мундштуком, закатив глаза, ушла, так и не объяснив сути своих претензий.

* * *

Тем же вечером Тимофей Иванович собрался пойти ва-банк. Облачившись в лучший свой костюм и приоткрыв на секунду рядом с собой флакончик одеколona, он на всякий слу-

чай еще раз перепроверил, что в учительской все готово: приглушенный свет, романтическая музыка и легкий ужин смиренно дожидались своего часа. Заперев дверь на ключ, пошел в директорскую – было кое-что, что могла дать ему сейчас только одна женщина на свете.

Вежливо постучал, тщательно рассчитав силу и интервалы – не хватало только сразу испортить ей настроение и тем самым загубить вечер. Войти дозволила, но раздраженным голосом. Решив не принимать это на свой счет, Тимофей Иванович аккуратно просочился в кабинет и застал Альму Диановну за чтением личного дела новенького сотрудника. Несколько раз вежливо кашлянув, попробовал разрядить обстановку:

- Вы его сегодня в первый раз видели?
- В четвертый, если быть точным. Юноша знатно отметился в трагедии Потапова.
- Интересно, интересно. Но все-таки хотите взять к нам?
- Да.
- Могу я поинтересоваться, почему же?
- Семейные рекомендации.

Помолчали.

- Он хотел мне усы спалить.
- О, как мило. А меня – ножом пырнуть.
- Но тут же нет ножей?
- Да. И это мальчика очень расстроило.

Почувствовав, что Альма Диановна несколько смягчилась, Котов-Шмулинсон решился перейти в наступление:

– Деток всегда так жаль разочаровывать. Быть может, вы и мне не откажете в удовольствии провести этот вечер вместе?

– Ты все никак не успокоишься?

– Помилуйте, Альма Диановна! Мы с вами взрослые люди и, казалось бы, выросли из намеков, но нет, я каждый раз, словно безусый котенок, мнусь и робею перед вами при одной лишь мысли о... сами знаете чем.

Старая волчица вздохнула. Ее зам был хорош: иногда его даже не хотелось убить, и это она почитала за большой плюс. Но все-таки как же он порой надоедал. Каждый день одно и то же.

Хоть она и определила для себя, что марафон добрых дел на сегодня закончен, но хитрый котяра так жалобно на нее смотрел...

- Вино приготовил?
 - Ваше любимое. И подкопченный камамбер с вяленой зайчатинной.
- Директор вздохнула. Видимо, ничего не поделаешь.
- Ладно, так уж и быть – пошли обсуждать новую систему тендеров.

Глава 2. То – не знаю что, туда – не знаю куда

- Запомни, я – чудовище.
 - Но мама...
 - Кто бы что ни говорил, как бы ко мне ни относился, я всегда была и буду чудовищем. Это нормально.
 - Но ты же хорошая.
 - И не говорю, что плохая. Просто чудовище. Злыми чудовищ делают люди.
- Из детских воспоминаний Доры*

Улепетывая от странной мотоциклистки, Дмитрий планомерно и последовательно себя отчитывал: «Во что ты влез, идиота кусок? Неужели реально веришь, что какие-то ряженые знают о висяке двадцатилетней давности нечто такое, чего ни ты, ни другие оперативники найти не смогли?» С рациональной точки зрения правильной всего было бы немедленно вызвать подкрепление, задержать как саму девочку (вылезшую из багажника, на минуточку; похищение?), так и ее преследовательницу и переложить все проблемы на старших по званию.

Главным минусом рациональной стороны решений Дмитрия была полная и безоговорочная их неэффективность, и он это прекрасно понимал. Да взять ту же Семью, к примеру. Рациональные и опытные коллеги сперва только потешались над странными ребятами в цветных мотоциклетных шлемах и косухах, что, конечно, было логично. Эти клоуны внезапно появились словно из ниоткуда и принялись лезть чуть ли не во все разборки нечисти, да еще и прикрываясь идеей справедливости. Дмитрий и сам поначалу только хихикал над самозародившимися пауэр-рейнджерами, но все-таки ему хватило смелости в какой-то момент заметить, что внешний вид их хоть и был смешным, но прекрасно сохранял анонимность. А еще они безумно напоминали мафию и даже назывались похоже – Семейей. В отличие от умных и опытных коллег, Дмитрий не закрыл глаза на то, что эти ряженые успели крепко взять за жабры город, никому не давая и шагу ступить без их на то разрешения.

А потом сослуживцы начали его крайне нерационально злить, поскольку умудрялись одновременно кричать, что никакой Семьи не существует, и при этом рапорт через два скромно и грустно отмечать – при помощи странных подельников задержанный скрылся. Дмитрий понимал, что далеко не все из тех, за кем охотились богатыри, на самом деле были виновны. Но определять это должны старшие богатыри-следователи, а пара дней в изоляторе еще никого не убила. Семья же вырывала из рук правосудия все больше и больше нечисти, и порой у Дмитрия складывалось четкое впечатление, что богатыри превратились в каких-то щенков для битья, это самое битье упорно отрицающих.

Открыть коллегам глаза в какой-то момент стало его идеей фикс. Поначалу это казалось перспективнее, чем искать концы в деле исчезновения приемного отца, которое он со свойственной юношам пылкостью схватил сразу же, как был допущен к работе. Но шли месяцы, вся его аналитика с доказательствами и графиками признавалась лишь неплохой основой для фэнтезийного романа, а окружающие как застыли в позе страуса, так в ней и оставались.

Семью Дмитрий не любил, но Семья хотя бы не пыталась разубедить его в своем существовании. Испробовав все рациональные способы, он решился-таки просто прыгнуть в омут с головой и посмотреть, что получится. И в итоге уже несколько часов гнал как сумасшедший, вот только ставший за это время знакомым силуэт по-прежнему маячил в зеркале заднего вида. Дмитрий постоянно перестраивался, срезал или обходил в последний момент, но эффекта это не имело. Летело дорожное полотно, ветер свистел в ушах, а женщина коршуном вилась рядом, не давая свернуть или оторваться.

Вдруг девочка скомандовала:

– Вправо! Слева затор! Давай вправо!

Не спрашивая, Дмитрий изменил курс и краем глаза заметил двух орущих друг на друга автомобилистов и разбитые машины на соседней трассе. С подозрением поинтересовался:

– Откуда ты узнала?

Помедлив немного, она выдала:

– Ответ вам не понравится.

– И все-таки я хочу его услышать. – И тут до него дошло, что шлема, а значит, и микрофона в нем на попутчице нет и слышать ее он не должен.

Девочка снова замялась, а потом, явно не ожидая ничего хорошего, пояснила:

– Так говорит моя воображаемая подруга.

Дмитрию очень захотелось курить.

– Знаешь, рядом с тобой я начинаю ценить работу в офисе.

– Извините. О, а тут тоже лучше направо.

Он взял вправо и успешно пролетел мимо синхронно затормозивших дальнобойщиков. Однако их преследовательницу это ничуть не смутило, и она продолжила погоню, постепенно сокращая расстояние.

Дмитрий взвыл:

– От нее вообще можно оторваться?

– Крутая, да? – восхищенно отозвалась в динамиках девочка.

– Ты вообще за кого болеешь?

Тут женщина внезапно подрезала чей-то джип и оказалась от них на расстоянии двух корпусов. Богатырь поднажал. Когда он уже почти обогнал следующую фуру, женщина умудрилась втиснуться между ними и сблизиться достаточно, чтобы попытаться схватить девочку за одну из длинных кос. В последний момент та, вопреки всем законам физики, крайне неестественно изогнулась и хлестнула преследовательницу по руке. Мотоциклистка пошла на сближение снова, но тут, словно в дешевой комедии, в ее шлем последовательно прилетели пивная банка, пакет, газета и очень удивленная ворона. Этих внезапных хедшотов² вполне хватило, чтобы женщина, потеряв управление, улетела в кювет. Дмитрий хотел было сбавить скорость, но девочка запротестовала:

– Не останавливайся! Она в порядке, а нам нужно уйти как можно дальше.

– Уверена?

«И почему я вообще слышу тебя из динамиков, если ты без шлема? Но это мы оставим на сладкое», – мысленно напомнил себе богатырь.

– На все сто. – Голос девочки продолжал нарушать все законы физики. – Но, если что, можно перекусить. Я давно не ела.

² От Head Shot (англ.) – выстрел в голову.

* * *

Через полчаса Дмитрий остановился возле небольшой армянской кафешки у заправки. Все это время он петлял бешеным зайцем и не без оснований надеялся, что теперь-то они оторвались. С мотоцикла девочка слезла, громко стуча зубами, и только сейчас богатырь обратил внимание на ее одежду: кеды, немаркие шорты по колено да безразмерная футболка с каким-то азиатом на пузе. Не могли, что ли, хоть ветровку какую дать, если знали, на чем она поедет? Стоило ему снять шлем – уставилась во все глаза. Ну да, богатыри всегда вызывали повышенный интерес у нечисти. Знаменитый древний орден людей с суперспособностями, как же иначе. Но чего бы там она ни ожидала увидеть, по факту ее вез высокий смазливый метросексуал с эротичной родинкой под глазом. Вне работы Дмитрий своей внешностью был доволен, но с трудом смирялся, что при исполнении на оперативника он походил настолько же, насколько Наташа Ростова – на криминального авторитета.

Девочка продолжала тарашиться во все глаза, и богатырь не без усмешки поинтересовался:

– Закончила разглядывать, можно знакомиться? – В спокойной обстановке он говорил растягивая слова, словно с некоторой ленцой.

– Ой, да, конечно. Извините. Я – Дора. – Она протянула руку, но Дмитрий это проигнорировал.

– Дора – и все? – прищурился он.

– Пандора, если полностью. Пандора Добротворская.

– Ты в курсе, что конспиративное имя ни к черту? – решил уточнить он.

– Оно не конспиративное. Настоящее.

От таких откровений Дмитрий несколько опешил:

– Раз настоящее, то и не надо всем говорить. Дура, что ли?

Девочка потупила взгляд. Ну молодец, отругал напуганного ребенка. Что дальше, пойдешь котят топить? Решив как-то исправлять положение, взял ее за плечо и повел в сторону закуской:

– Ладно, будешь просто Дорой. Я – младший богатырь-алешкович, позывные Д-Т-Пять, для краткости можно ДТП.

– Не очень вдохновляющее прозвище.

– Покритикуй мне еще.

В кафе она вошла первой, замерла было в нерешительности и, чуть смущаясь, повела его к диванчику у окна. Официантке пришлось пару раз кашлянуть, чтобы тарашившая друг на друга глаза парочка взяла-таки меню. Девочка его быстро пролистала и, ткнув пальцем в блины, резко захлопнула, отдала спутнику и снова начала пялиться в упор. Дмитрий чувствовал себя не в своей тарелке, поскольку взгляд был даже не столько заинтересованным или оценивающим, сколько просто внимательным. Обычно ничего хорошего подобное не сулило.

Очередное покашливание официантки вывело его из раздумий. Доре уже успели подать средней отворотности блины, на которые она налегла с непередаваемой скоростью. На вопрос, что будет пить, замаялась.

– А мне можно кофе?

– Откуда я знаю? Если аллергии нет, можно, наверное.

Покосившись куда-то за спину Дмитрия и резко переведя взгляд обратно на официантку, Дора попросила латте с сиропом. Отпивая, она каждый раз делала настолько восхищенно-удивленное лицо, словно ей подали амброзию. Не выдержав, богатырь тоже заказал чашечку. Обычный дешевый кофе. Без вкуса, но и без подвоха.

На них явно обращали больше внимания, чем они привыкли. Виной всему было сочетание толстенных длинных каштановых кос девочки с одеждой ее спутника – с ног до головы черной. Черные джинсы, черная рубашка, черная жилетка, черная ветровка и, видимо, чтобы добить окружающих, черные перчатки. При плюс тридцати это выглядело, мягко говоря, странно. Еще и ранняя седина, столь обильная, что волосы в целом отдавали серым. Ну просто гот-эскортник и звезда рекламы шампуня «Конская сила» на выезде.

Быстро заглотив первую порцию блинов и заказав вторую, девочка продолжила его изучать. ДТП ответил не менее пристальным взглядом, параллельно пытаясь угадать, зачем Семье вообще могла понадобиться школьница. И кто она такая? Сколько он ни пытался, типировать попутчицу не получалось. Она снова скосила взгляд куда-то за его спину. Это начинало раздражать хотя бы тем, что теперь очень хотелось оглянуться самому.

– Впервые видишь богатыря?

Точно не вампир. Вампиры по Подмоскovieю средь бела дня не разъезжают.

– Угу.

– Тогда понятно, почему ты такая спокойная. Обычно нас боятся.

И точно не волк и не медведь. Их легко выделить из толпы: первые на морду лица – типичные жители республик Кавказа, а вторые – не менее типичные тяжелоатлеты.

– Кто боится? – искренне удивилась Дора.

– Вы. Нечисть, сказы.

И точно не русалка. Волосы, конечно, о-го-го, но влюбить в себя такое может разве что бабулек.

– Как люди боятся полицейских? Мол, да, это органы правопорядка, но все-таки при оружии?..

– Не совсем. Скорее, как боевиков с другой религией. Кто поймет, какие у нас цели и методы.

Хм-м-м, а может, йети?

– О, с этой точки зрения я не думала, – ответила она таким голосом, словно и впрямь собиралась поразмыслить на досуге.

Еще одна порция блинов, его долгожданная яичница и, конечно же, новый марафон взглядов за спину и игры в гляделки. Теперь первой заговорила Дора:

– Нам еще далеко ехать?

Или мамонтенок-заморыш? А что? Волосатая, сует нос куда не просят... Да и пункт назначения вполне себе тянет на заповедник.

– Не далеко. Долго. Место, в которое тебя надо доставить, рядом с АСИМ.

– И что это значит? – спросила девочка.

– То и значит. – Богатырь несколько удивился такому вопросу. – Лешачьи разговоры еще работают: откуда ни начинай путь, доедешь за пятнадцать часов и ни минутой меньше.

– Ого, не знала.

Да как не знала-то? Ты когда родилась?

– По вполне понятным причинам затягивать этот процесс я не хочу, так что доедай, сходи куда нужно – и поехали, – подытожил Дмитрий.

– Прямо как в «Гарри Поттере» – таинственный охранник везет меня на мотоцикле в школу, – размечталась девочка, макая блинчик в мед.

Богатырь заинтересованно приподнял бровь:

– Ты читаешь такие книги?

– Ну да, а что? Мое поколение на них выросло.

Он хмыкнул, а она буквально расцвела от его улыбки. Богатырь вздохнул. Все-таки переборщила природа со смазливостью.

– Обычно дети твоего народа книжек про магию не читают. Это несколько непатриотично – как, к примеру, рассказы про веселых добрых нацистов.

– Мои родители считали, что лучший способ ужиться с людьми – это понять их культуру, – пожалала плечами Дора. – Если мои школьные друзья читали какие-то книги, мне покупали такие же.

– Ты еще и в школу людскую ходила? Рисковые, однако, у тебя родители. Где они, кстати? Мечтательность как рукой сняло. Девочка замерла над блинами, а потом ответила явно отрепетированной фразой:

– Мама умерла. А папа пропал без вести.

Богатырь вспомнил обстоятельства их встречи.

– Если тебя похитили... – начал было он, но Дора сразу замахала руками.

– Нет-нет, все хорошо! Семья, наоборот, пытается обеспечить мою безопасность.

– Спихнув тебя на меня? – Дмитрий снова хмыкнул.

– А вы что, не хотите найти своего отца? – удивилась девочка.

Богатырь скривился:

– Смотря какой ценой. Влезать в похищение детей точно не собираюсь.

– Понимаю ваше беспокойство, но все и вправду хорошо. А вы нужны именно потому, что богатырь. Раньше ваши коллеги часто служили проводниками в мире нечисти, и это как-то легитимизирует процесс передачи ответственности за мою жизнь.

На пассаже про «легитимизирует» Дмитрий несколько растерялся. Нетипичный словарный запас для подростка.

– Я правильно понимаю, что ты сирота?

Под пристальным взглядом Дмитрия девочка невольно вжала голову в плечи.

– Технически, – промямлила Дора.

– Не обижайся, но у тебя подозрительно удобная биография.

Вновь повисло молчание. Серые глаза смотрели на нее не моргая, и казалось, что еще немного – и девочка расплачется. Решив не усугублять, ДТП отвел взгляд и похлопал себя по карманам. Вытащил пачку сигарет.

– Не против?

Помотала головой. Оглядевшись и не заметив ни одной живой души, он снял перчатки, продемонстрировав вместо ногтей черные когти, и легко вспорол сигаретную пачку. Закурил.

Перехватив взгляд Доры, пояснил:

– Я – второй оперативник в роду, подряд. Так сказать, живое доказательство, почему лучше чередовать штабную и полевую работу.

Затянулся, аккуратно выдохнув дым подальше от ребенка.

– Тоже сирота. Родители погибли, а приемный батя пропал без вести.

– А я должна сказать, как его найти, когда вы меня довезете.

От этих слов девочка погрузилась еще больше. Дмитрий вновь решил сменить тему:

– Не то чтобы я жаловался, но обычно не вызываю у женщин такой ажиотаж. Что за ртутный терминатор за нами гнался?

Дора опять посмотрела за его спину. Мельком, явно стараясь не злить собеседника, но все-таки взглянула, после чего поспешно выдала:

– Русалка.

Дмитрий с полуулыбкой покачал головой, словно отмахнулся от самой этой мысли:

– Зая, я видел русалок. Смазливые курицы с губищами и папиками. Ничего общего.

– А эта – из «потерянного поколения», – возмущенно отбрила девочка.

– Из тех шести, которых вампиры выкупили?

Кивок.

– Надеюсь, не та больная, которая еще и Морского Царя ножом пырнула? – насторожился он.

– Она самая, – оживленно подтвердила Дора.

– Издеваешься, что ли?

– И в мыслях не было, – насупилась та.

Дмитрий раздраженно затаился. Рассказы о поехавшей русалке он, к счастью своему, слышал лишь краем уха, но, увы, регулярно – в редкий день она не становилась героем очередных побасенок в курилке. Безумная баба на мотоцикле, идущая к своей цели не просто напрямик, но порой и буквально сквозь стены. Насколько он помнил, второе, что она сделала на свободе, – напала на Морского Царя с кинжалом, а первое – отвесила пощечину патриарху вампиров, вообще-то выкупившему ее и пять сестер из рабства. От обычных русалок эта разительно отличалась в неприятно-летальную сторону, и главная заповедь, доставшаяся Диме от старших коллег, гласила: не связывайся с чокнутой, у которой на спине куртки вышит морской удильщик. На резонное замечание, что он вообще ни в зуб ногой, как этот удильщик выглядит, объясняли еще проще: «Как только начнешь нехило огребать – это она». Но, насколько богатырь знал, ту русалку в жизни заботило только и исключительно благополучие ее сестер, и ничего более. Какая угроза от подростка?

Дмитрий по-кошачьи потянулся.

– Ладно, по пути все расскажешь. Могли бы и намекнуть о дополнительной защите, что ли.

– Но разве вы... – Вдруг девочка осеклась, словно прислушиваясь к чему-то, и взволнованно перебила сама себя: – Кажется, нас снова нашли. Нужно уезжать как можно скорее.

– Та фурия на мотоцикле?

– Угу, – понуро подтвердила Дора.

– Знаешь, как она на нас вышла?

– Ну, у меня есть одна вещь... Которая для нее как маяк.

На этом заявлении богатырь чуть не уронил сигарету.

– Так выброси.

– Нельзя. Очень важная вещь.

– Важнее твоей жизни?

– Равноценная.

– Вот же ши...

Дмитрий мрачно потушил сигарету, быстро встал и, стараясь прикрыть собой ребенка, поспешил на парковку. Идя по следу красной помады, он, конечно, понимал, что просто не будет, но перспектива бегать по всему Подмоскovie от бесноватой русалки с функцией самонаведения явно была за гранью его прогнозов. Пока они шли к мотоциклу, девочка с самым что ни на есть деловым видом скрестила на шее косы, пропустила их спереди под мышками и, вновь перекрестив на спине, несколько раз обмотала вокруг талии и связала узлом концы. Деловито пояснила:

– Длинные, чуть не схватили за них. Папа говорил, что лучше делать так.

– Да, пожалуй, я с ним соглашусь.

Сев на мотоцикл, ДТП хотел было по привычке протянуть ей шлем, но вспомнил о косах и вернул его на место. Уточнил:

– Ты вообще в курсе, как держаться?

Она помотала головой.

– Делала все правильно. Обхватываешь чуть ниже груди, не по животу и не за шею, мне тоже нужно дышать. Из-за спины не высовываешься, руки не разжимаешь, в стороны не разводишь, че б ты там в фильмах ни видела. И кстати, у тебя, кроме рюкзака, вещей нет, что ли?

– Мне обещали полный пансион. – Фраза прозвучала до безумия беззаботно.

– Ты вообще ни о чем не паришься?

Дора пожала плечами:

– Самое страшное со мной уже случилось.

Дмитрий ненадолго замялся, а потом снял с себя ветровку и отдал ей.

– Надевай. Ехать нам еще долго, а застудить тебя меня никто не просил.

– Спасибо. Правда, большое спасибо. – Дора натянула куртку и застегнула до горла.

Про себя Дмитрий отметил, что щеки девочки покраснели. Уже втюрилась, что ли?

* * *

И минуты не прошло с момента, когда они отъехали от заправки, как на парковке появилась мотоциклистка в черном. Ненадолго остановилась, оглядела округу, словно к чему-то прислушиваясь, и, внезапно газанув, помчалась следом за беглецами.

* * *

Тем временем далеко-далеко, где-то между нигде и никогда, искал себе занятие один великовозрастный балбес. Покуда другие тратили душевные силы на борьбу со временем, пытаясь его то замедлить, то ускорить, он просто отдавался течению и использовал каждую свободную минуту на максимум. Дом был отмыт и вычищен до блеска. Веранда обновлена, пол в сенях перестелен, перила лестницы на второй этаж заменены. В саду прополоты сорняки, подвязаны деревья, облагорожены клумбы, тропинки – и те подметены. Он успел составить меню на месяц вперед, четырежды взбил перину и опытным путем рассчитал, за сколько минут можно доехать на велосипеде от дома до интерната при любых погодных условиях.

Сюртук перешит, рубашка выглажена, воротничок накрахмален до хруста. Три часа, ушедшие на безуспешные попытки хотя бы по такому случаю пригладить волосы, закончились смирением и головомойкой. Ботинки вычищены настолько, что отражали проплывающие на небе облака, а идеально подобранный и повязанный особым узлом шарф тщательно выверен на шее. Пару капель одеколона – позже, за полчаса до встречи.

А ведь ленивое летнее солнце еще даже не перевалило за вершины соседнего леса. До прибытия гостя оставалось более одиннадцати часов, и теперь он в легком беспокойстве сидел на крыльце, вглядываясь в даль и почесывая за ухом енота. Остальное зависело от другого мужчины, и молодой старьевщик старательно гнал тревогу прочь: богатыря выбрали не за красивые глаза, и меньшее, что можно в такой ситуации сделать, – довериться. Дай магии перехода сработать. Просто дождись.

Грустно вздохнув, он вернулся в дом и налил себе и еноту травяной чай, после чего развалился в кресле, закинув ноги на его подлокотник, и продолжил с увлечением изучать советские книги о подростковой психологии.

* * *

И вновь Дмитрий гнал как угорелый, девочка, зажмурившись, крепко к нему прижималась, а сзади опять маячил до боли знакомый силуэт. Богатырь лавировал между машин, с трудом удерживая управление на раздолбанной федеральной трассе, и искренне не понимал, как это удавалось русалке, на крейсерской скорости шедшей за ними. Дора периодически командовала, куда повернуть, и пару раз это реально спасало. ДТП терзался в раздумьях: шизофрения ли была причиной ее прозрений или же за ними и впрямь как-то умудрялась успевать

некая невидимая подруга? Задумавшись ненадолго о том, похожа ли та на Садако, богатырь аж дернулся, увидев русалку прямо за своей спиной.

– Она слишком быстрая!

– Вы уж простите, но машинка у нее не в пример мощнее вашей. Может быть, срежем?

– Как я тебе срежу? – возмутился Дмитрий, все еще лавируя на федеральной трассе между отбойниками, дальнобойщиками и огородниками.

– Срежу я. Точнее, моя подруга, – попыталась объяснить Дора. – Ваша задача – ехать все время прямо и не ускоряться, что бы ни происходило. Это важно. И еще важнее – ни в коем случае не материться. Вообще.

– Вы через что срезать собрались? – По спине ДТП пробежал холодок.

– Через то самое. Ни слова мата. Вы мне доверяете?

Дмитрий сглотнул. Причин доверять ей было столько же, сколько и причин не доверять. Перспектива нырнуть в Лес радовала ничуть не больше, чем близкое знакомство с поехавшей русалкой и ее активной жизненной позицией. Но времени на философию не было, и Дмитрий решил.

– Ты пытаешься выжить. И явно все это затевалось не ради того, чтобы угробить одного младшего богатыря. Срезай. Я контролирую себя.

– Чудесно. Тогда полный вперед.

Он втопил газ, русалка тоже. Когда ДТП уже мог удариться шлемом о бампер впереди идущего грузовика, мир словно моргнул – и они с девочкой очутились на широкой просеке в каком-то чудовищном ночном лесу. Мотоцикл несся мимо неестественных деревьев по подозрительно прямой, явно рукотворной тропе и вдруг снова оказался на федеральной трассе, в совершенно другом месте выскочив из подпространства. Их продолжала преследовать женщина в черном.

– Так легко от нее не отделаться, – заметил ДТП, заодно задумавшись, знает ли он хоть одного богатыря, который бы попал в Лес и вернулся оттуда живым.

– Это нормально. На мгновенный эффект я и не рассчитывала. Готовьтесь...

– К че... – Вопрос прервался вместе с дорогой.

Мир моргнул снова, но теперь они ехали по той же просеке сквозь самих себя. Смотреть сквозь собственные глаза было довольно омерзительно. И вновь раздался непредсказуемый голос из динамиков:

– Надеюсь, вас не укачивает. Сейчас будут наслоения.

– Я ни слова не понимаю.

– Возможно, это и к лучшему.

Они снова выскочили в другом месте трассы. И опять влетели в Лес. Потом еще. И еще. Дмитрий уже практически ничего не видел, находясь в эпицентре этакой матрешки из полупрозрачных мяса и костей, и очень надеялся, что его не стошнит. Девочка тоже притихла. Русалка, несмотря на замешательство, продолжала преследование, и в целом ДТП не видел никаких изменений. Ну, кроме того, что периодически они на пару секунд оказывались в другом месте трассы.

Вдруг в наушниках вновь зазвучал голос Доры:

– Сейчас мы снова Там окажемся, но будем ехать дольше. Не ускоряйтесь. Даже если она будет рядом. Это важно.

– Что ты задумала?

– Это не я задумала. Меня научили. Сработает, если скорость изменит только она.

– А все-таки?

– Я не знаю, как объяснить то, чего не понимаю. Оно просто сработает.

После такого вдохновляющего спича Дмитрий успел десять раз пожалеть, что во все это ввязался. Они ехали в центре призрачной капусты из образов самих себя, сзади нагоняла

русалка, а трасса все не менялась и не менялась. И вот русалка решилась на рывок. Начала ускоряться, постепенно опережая собственные копии. И в тот момент, когда она вырвалась из последней, мир резко остановился.

Ощущение было, словно ты на полном ходу врзался в безразмерное мягкое одеяло. ДТП с трудом удержал управление, с некоторым удивлением отметив, что они уже не на федеральной трассе, а на какой-то проселочной дороге. По счастью – на той, которая и была им нужна. Как они тут оказались? Если девочка не знает, куда они едут, как смогла правильно выбрать направление? Не успел он оглянуться на преследовательницу, как в наушниках аж завопили:

– Стой! Стой немедленно!

ДТП остановился и обернулся. Девочка с трудом разжала замерзшие руки и тоже посмотрела назад, туда, откуда они выехали. Прямо посреди дороги изображение немного плыло, словно в потоке раскаленного воздуха. Рядом валялся мотоцикл русалки, но самой ее нигде не было видно. Дора взвизгнула и, соскочив с мотоцикла, побежала к разлому. Дмитрий опешил.

– Оставь ее!

– Нельзя! Она же погибнет!

Логика богатыря капитулировала.

– И что?

– И то! Нельзя убивать кого-то только потому, что он упорный. Это сегодня мы по разные стороны баррикад, но кто знает, что будет завтра?

– Два трупа, блин, если ты собираешься туда лезть! – Дмитрий откровенно злился.

– Я ищу решение.

Девочка приблизилась к завесе, осмотрела мотоцикл и, повернув голову вбок, к чему-то прислушалась. Или к кому-то. Еще раз чертыхнувшись, но как можно тише и нейтральнее, Дмитрий заглушил мотор и подошел к ней.

– Только не говори мне, что пойдешь туда.

– Хорошо, не говорю. – Она деловито начала разматывать завязанные косы.

– Сдурела?

– Нет, не волнуйтесь. Я справлюсь. Мне сказали, что она недалеко от разрыва лежит. Вы постойте здесь и просто держите за косы, чтобы вытянуть, если что.

– Ты собираешься в одиночку ее тащить? – Богатырь ушам своим не верил.

– Ну да. Нас же всего двое тут. Вы держите, чтоб разрыв не захлопнулся, а я тащу.

Девочка шагнула было к завесе, но Дмитрий схватил ее за плечо. С лицом, ясно выдававшим, что в гробу он все это видел, сказал:

– Я сильнее. Ты стоишь, я иду.

Девочка посмотрела на него обеспокоенно:

– Вы уверены? Это все-таки Лес...

– Конечно не уверен! – взорвался Дмитрий. – Но и ребенка черт знает куда не отправлю. Ты ждешь, я иду.

– Я не ребенок. Я чудовище.

Повисло поучительное молчание.

– Лично я никакой особой разницы не вижу. – И, не дав девочке запротестовать, продолжил: – Мне за косу тебя взять, так?

– Лучше за обе. Разрыв любит захлопываться после полного перехода. Волосы возьмут на себя роль домкрата.

– Вот как? Не знал, – задумчиво проговорил Дмитрий, наматывая конец косы на кулак.

– Вы много чего не знаете.

ДТП очень захотелось отвесить ей подзатыльник.

Они подошли к завесе вплотную. Богатырь осторожно сделал шаг и сразу же запнулся, чуть не упав и поневоле дернув девочку за косы. Та ойкнула. Пощупав рукой перед собой,

понял, что русалка и вправду лежит буквально рядом. Нагнулся, по пояс оказавшись в Лесу. Перекинул руку женщины через плечо и, приподняв, сделал несколько шагов назад. Они вышли. Прозрачная завеса исчезла.

Он усадил русалку рядом с ее мотоциклом, и девочка суетливо начала осматривать шлем. Поняв, чего она хочет, Дмитрий расстегнул его, снял с женщины защиту и невольно залюбовался. Все-таки правду говорят, что на поверхности оказываются самые красивые. Русалка была чудо как хороша.

Идеальная белая кожа без единого следа косметики. Густые ресницы. Нежные черты лица не портил даже пирсинг в брови и носу. Черные волосы хоть и были короткими, а на затылке – и вовсе выбритыми, все равно блестели и переливались так, как ни одной человеческой женщине и не снилось. Стройное тело с идеально длинными ногами, которые не получилось спрятать даже под грубыми кожаными штанами, аккуратная и неестественно совершенная грудь, не столько скрытая, сколько подчеркнутая спортивным топом с косухой. Куколка. Картинка. И пустые ножны от кинжала-шейника, ага. Не забыл еще, что эта куколка своего деда пырнула?

Дмитрий скосил взгляд на Дору и удивился. Вся отвага и задор куда-то пропали, и она смотрела на бесчувственную русалку так, словно увидела призрака – заметно побледнев, осторожно проверяя пальцем набухавшую на лбу у той шишку.

Дмитрий кашлянул в кулак.

– Вытащили – что дальше?

– Надо уезжать. Но сперва привести ее в чувство, мало ли что.

– Не многовато ли заботы?

– Усеивать свой путь трупами направо и налево – плохая примета. – Девочка деловито принялась осматривать мотоцикл русалки. – Подскажите, а где тут вообще багажник?

Дмитрий вздохнул, открыл его и заглянул внутрь. Пара светлых замшевых перчаток, какой-то пакет и термос. Ничего примечательного. Девочка схватила термос, налила из него кофе и поднесла ко рту русалки.

– Ты решила все же ее угробить? Кофеек после сотрясения – самое оно, конечно.

Дора еле сдержала смешок.

– Вы и вправду много чего еще не знаете.

К вящему удивлению Дмитрия, русалка все-таки открыла рот и сделала пару глотков. Девочка аккуратно поставила термос на землю и, внезапно побежав к мотоциклу Дмитрия, крикнула:

– А теперь уходим! Ну, быстрее!

Богатырь припустил за ней, пытаясь понять, от кого они бегут на этот раз. Ну не от русалки же с сотрясом? Но стоило ему только добраться до мотоцикла, как вопрос отпал сам собой – в землю рядом с его ногой вонзилось что-то вытянутое и светлое. Он мельком обернулся. Русалка уже стояла на двух ногах, жадно присосавшись к термосу с кофе, а на кожаных штанах, обильно украшенных какой-то светлой вышивкой, в одном месте узора сияла дыра. Богатырь сглотнул.

– Господи, это что, всё ножи?

– По большей части. Она лишилась своего серебряного, который есть у каждой русалки, и компенсирует это оружием из рыбьих костей, – произнося это, Дора уже сидела на пассажирском месте и методично накручивала на себя косы.

– Не знаю, заметила ли ты, но она сплошь увешана ножами и сюрикенами! – Дмитрий буквально запрыгнул на мотоцикл, быстро натянул шлем и рванул с места. Девочка даже ойкнуть не успела.

Пыльная дорога между полем и лесом практически не оставляла шансов незаметно уйти от преследовательницы, зато ухабов и ям стало в разы больше. Волей-неволей Дмитрий замедлялся, чертыхаясь.

– Есть мысли, что делать дальше?

Дора ответила не сразу:

– А далеко до школы?

– Я же уже объяснял. По карте – мы на пороге топчемся. По времени – еще около девяти часов. Магия леших. Своим ходом нам не оторваться.

– Тут переход в Лес словно забетонировали. Даже если срежем – можем просто не выйти обратно.

Девочка смолкла. В голове Дмитрия хаотично метались варианты. В принципе можно попробовать оторваться в обычном лесу, на своих двоих. Ну не сунется же она туда на мотоцикле? Хотя баба уж больно боевая. Да и рефлекс, как пришлось убедиться сегодня на собственной шкуре, у нее получше, чем даже у богатырей под действием усиливающих зелий. С другой стороны, в лесу, вдали от любопытных людских глаз, Дмитрий мог бы продемонстрировать сюрприз-другой. Но, опять же, стоит ли раскрываться при абсолютно чужой девчонке из Семьи?

Учитывай, что сама девочка-то явно об этом не парилась и как бы невзначай пару раз засунула тебя в Лес. В тот самый, куда, по идее, никто не может попасть по своей воле и уж тем более выйти, не то что срезать через него дорогу. Вряд ли она захочет предать эту милую способность огласке. А значит, и к твоим секретам отнесется с пониманием.

Прежде чем рискнуть, Дмитрий решил кое-что прояснить:

– Эта твоя подруга – насколько она воображаемая?

– Ну, сложно сказать. – Девочка крепко задумалась. – Видеть и слышать ее могу только я. Настолько воображаемая.

– Значит, в бою от нее никакого толку?

– Для вас – никакого. Простите.

– А для тебя? – переспросил ДТП.

– Она может перемещать небольшие предметы в пространстве. Иногда это помогает.

– Как сегодня утром на трассе?

– Как сегодня утром на трассе. Но это даже для меня порой неожиданно, а я-то ее вижу.

– Ладно, если что – пусть помогает чем может. – И, помедлив секунду, внезапно для себя самого спросил: – А имя у нее есть?

– Я зову ее Лола.

– Опять настоящее?

– Не-е-е. – Он почувствовал, что девочка улыбается. – Это как раз конспиративное.

– Ну и чудесно. Дора, Лола, готовьтесь. Теперь срезать буду я.

– Но как?

– Тоже через лес. Правда, мой лес попроще.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.